

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертационном исследовании Екатерины Игоревны МАШТАКОВОЙ «Социолекты субкультур сноубордистов и дрифтеров: лексический уровень», представленном на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Работа Е.И. Маштаковой посвящена, как это сформулировано буквально в первых ее строках, «социолингвистическому анализу молодежных субкультур, в частности субкультур сноубордистов и дрифтеров» (с. 4). Субкультура при этом понимается автором «как одна из подсистем культуры, которая раскрывает мультикультурный характер современного общества», «как способ самореализации, самоидентификации, самовыражения» носителя языка и субъекта культуры (там же). Чуть далее в работе дается и еще одно определение: «субкультура – это особая часть господствующей культуры, которую характеризуют обычаи, нормы поведения, ценностный строй и язык, отличные от тех, что преобладают в господствующей культуре» (с. 18). Уже такой зачин и такое понимание объекта исследования свидетельствуют об очень современном характере рецензируемой работы, претендующей на свое место в сфере социолингвистики и социально ориентированной лексикографии – социолектографии. Говоря словами автора, работа отличается «включенностью в современную антропоцентрическую парадигму языкознания» (с. 5), что и обеспечивает, в числе прочего, ее *актуальность, научную новизну и теоретическую значимость*.

Особое внимание в исследовании Е.И. Маштаковой уделяется лексике, поскольку, по мнению автора, «именно лексика является тем “зеркалом”, в котором отражаются и фиксируются реалии жизни и интересы представителей того или иного сообщества» (с. 5) – и с этим трудно не согласиться.

В теоретическом плане работа Е.И. Маштаковой затрагивает такие темы, как история и теория лексикографии, социолингвистика, культурология и лингвокультурология, теория семантических полей и моделирования.

О *материале* своего исследования Е.И. Маштакова подробно рассказала в своем вступительном слове: это 319 лексических единиц из социолекта сноубордистов (732 речевых отрезка) и 328 лексических единиц из речи дрифтеров (818 речевых отрезков), «собранные в процессе живого общения с представителями исследуемых субкультур и изучения устных и письменных текстов с тематических сайтов» (с. 6). Видно, что материал достаточно репрезентативен и очевидно не случаен, а получен вполне научными методами.

Рецензируемое исследование, таким образом, выполнено в русле научной школы изучения повседневной речи горожан и – шире – пермской школы социолингвистики, широко известной в научных кругах и прочно связанной с именем Т.И. Ерофеевой. Работа Е.И. Маштаковой полностью соответствует идеям этой школы и, соответственно, идеям научного руководителя диссертанта. Достойная преемственность поколений и похвальная верность научным традициям Alma-mater.

В исследовании Е.И. Маштаковой дан добротный обзор литературы по всем затрагиваемым теоретическим вопросам, особое внимание уделено при этом вопросам культуры, социолингвистике/социолекту и лексикографии. Впрочем, подробная история лексикографии, данная в разделе 1.4.1 и начатая с глоссов и глоссариев, созданных до н. э., выглядит даже несколько излишней.

Интересно, что и историю сноубординга Е.И. Маштакова начинает тоже очень издавелека: с V в. до н. э. (с. 49): видно, что молодой исследователь любит углубляться в историю, во всем стремится «дойти до самой сути». И, наверное, это неплохо, хотя от «первых упоминаний о катании по склонам на специально подготовленных снарядах» до социолекта современных сноубордистов, что называется, дистанция огромного размера. Читая о «возрасте первых археологических находок» (с. 49) или о том, что «Гавайские острова представляли геополитический и торгово-экономический интерес и для США» (с. 50), можно даже усомниться, что речь идет о лингвистическом исследовании. Думаю, что тут Е.И. Маштакова слишком увлеклась и несколько перегнула палку.

Среди несомненных достоинств рецензируемой работы надо отметить еще и подробное описание структуры (характеристики) одного из предлагаемых автором словарей – словаря социолекта дрифтеров. Не очень понятно, насколько готовы уже оба эти словаря, или созданы пока только их словники, вынесенные в приложение, но сам факт работы над ними на основе проведенного исследования подчеркивает его несомненную практическую значимость. Может быть, сегодняшняя защита поможет автору улучшить предложенные словники и избежать многих недочетов.

Поэтому перейду далее к вопросам и замечаниям, которые работа Е.И. Маштаковой, конечно же, вызвала.

Первый вопрос, который у меня возник, надо бы адресовать скорее, не диссертантке, а ее руководителю, Т.И. Ерофеевой, но, поскольку Е.И. Маштакова пользуется в работе классификацией типов субкультур Т.И. Ерофеевой, никак ее не комментируя, то, надо полагать, она ее полностью принимает и, значит, сможет ответить на мой вопрос. Он связан с соотношением типов субкультур (просторечная, профессиональная (точнее, ряд профессиональных), молодежная, игровых и криминальных сообществ) (с. 19-20), с одной стороны, с типами речевой культуры, которые предложили в свое время О.Б. Сиротинина и В.Е. Гольдин, а также Н.И. Толстой, с другой. Обе эти типологии пересекаются только в точках просторечия и профессионально-ограниченных аргю, а в остальном полностью расходятся. Получается, что носители просторечия являются одновременно и носителями особого типа субкультуры, а все остальные, если они не молодежь, не игроманы и не криминальные личности, могут найти себе место разве что в одной из профессиональных субкультур. Но разве нет обычных носителей русского литературного языка, живущих вне профессии? Или они, по Е.И. Маштаковой и Т.И. Ерофеевой, носители культуры, но не субкультуры? Далее в работе действительно говорится, что «не каждая социальная группа обладает субкультурой» (с. 20). Хотелось бы, во-первых, в этом просто разобраться, а во-вторых, было бы неплохо, если бы в работе была рассмотрена эта связь – или это противопоставление – понятий и терминов. Думаю, что в русле рассматриваемых проблем это было бы очень уместно.

Много вопросов вызвал и отбор лексики для формирования соответствующих социолектов (и далее – для словников соответствующих словарей). Из опыта работы с диалектным материалом я знаю, что критерием (отнюдь не совершенным, но, по крайней мере, действующим) отнесения той или иной лексической единицы к диалекту является ее отсутствие в конкретном значении в толковых словарях литературного языка. Какие критерии были в данном случае? Чем, например, *лопата* или *щуп*, используемые сноубордистами, отличаются от обычных *лопаты* и *щупа*? Тот же вопрос – в отношении *ботинок*, *балаклав*, *наколенников*, *педали газа*, *термобелья*, *козырька*, *лавины*, глагола

расчехлить, словосочетаний *закрыть/открыть сезон*, *зарыться в снег* и много-многого другого – приводить все подобные примеры нет смысла. Или, скажем, *перчи* как сленговый вариант *перчаток* (а также *термуха* и *термач* – от *термобелья* и еще многое другое такого же типа) – существует только в речи сноубордистов? Или это просто молодежный сленг?

Все приведенные здесь примеры – из лексикона сноубордистов, но не меньше вопросов вызывает и словник для словаря дрифтеров (*коленвал*, *конфигурация*, *подвеска*, в том числе *пневматическая*, *поршень*, *приборная панель*, *привод*, *ручник*, *трансмиссия* и т. д.). Выдвинутый автором критерий трехкратного повторения того или иного слова в речи разных информантов, боюсь, не работает, так как, согласно этому критерию, в словник обоих рассматриваемых социолектов могли бы попасть еще многие и многие обычные слова. Надо сказать, что некоторая попытка связать единицы этих социолектов со словами из литературного языка или каких-то идиомов в работе все же сделана – в разделах «Источники формирования лексической базы» соответствующего социолекта, – но думаю, что вопроса о критериях отбора материала это все же не снимает, поскольку зачастую никаких новых значений (по сравнению с зафиксированными в разных словарях) проведенный анализ не выявил. Например, слово *бровка*, для которого в работе построена пробная словарная статья (с. 130), дается в МАС ровно с тем же значением, что предлагает Е.И. Маштакова, и без всяких помет. Можно ли считать это единицей социолекта?

Факт явной литературности многих таких слов привел, в частности, к тому, что, скажем, *конфигурация* оказалась включенной в две тематических группы сразу: «Детали, части и устройства автомобиля» (с. 101) и «Части трассы» (с. 114), образуя, в рамках предложенной типологии, своеобразную омонимическую пару. Этот момент, кстати, в работе остался незамеченным, хотя не исключено, что такой случай в словниках рассматриваемых социолектов и не единственный.

Близкие к заданным вопросы вызывает и отнесение той или иной единицы к метафорам. Что метафорического, скажем, в словах *лидер* и *преследователь*? В словарях литературного языка оба эти слова, применительно к гонкам, имеют в том числе и значения, предложенные в работе Е.И. Маштаковой.

Еще вопрос. 7-ая из 8 тематических групп лексики сноубордистов называется «Инфраструктура» (с. 77, 80), а на рис. 1, показывающем «Модель семантического поля лексики социолекта сноубордистов» (с. 80), – уже «Индустрия». Чем вызвано такое разночтение?

На с. 41 Е.И. Маштакова подчеркивает, что для словника сноубордистов были отобраны 319 единиц, «оформленных с помощью русской графики». А какова доля единиц, оформленных иначе? Какая еще графика используется в этом социолекте? Хотелось бы увидеть и конкретные примеры таких единиц – чтобы лучше понять принципы отбора материала для исследования.

На мой взгляд, в текст диссертации попало много того, что логично было бы дать в приложении: например, полные списки всех тематических групп (около 20 страниц), которые все равно потом приводятся еще раз в приложении, или два раздела с пробными статьями для обоих словарей (еще 20 страниц).

Из мелких (но не бессмысленных) замечаний: на с. 29, Е.И. Маштакова дает определение *жаргону*, а ссылается при этом не на автора этого определения М.В. Арапова, а на весь «Лингвистический энциклопедический словарь» (ЛЭС), допуская

типичную ученическую ошибку (ссылка на сборник статей вместо ссылки на конкретную статью из него) и проявляя очевидное неуважение к этому автору. Так же чуть позже Е.И. Маштакова поступила и с В.Г. Гаком, чье определение *лексикографии* в работе снова приписано безликому ЛЭС (с. 31, 34). Интересно, что определение (*семантического*) *поля*, данное А.М. Кузнецовым, в работе приписано уже не всему словарю, а только его редактору В.Н. Ярцевой (с. 43). См. также с. 82 (*метафора*) – снова ссылка на весь ЛЭС. Кроме всего прочего, ссылки на авторов конкретных статей из ЛЭС расширили бы и общий список использованной литературы, который, надо сказать, работе Е.И. Маштаковой не слишком велик: всего 151 наименование + 19 словарей.

Вопросов и замечаний у меня получилось много, но, как принято писать в отзывах, все они не снижают общего положительного впечатления от рецензируемой работы, особенно – от ее практической направленности, которая заключается в подготовке материала для двух новых словарей двух новых социолектов.

Работа Е.И. Маштаковой прошла и некоторую апробацию: 1 доклад на конференции, автореферат и 5 публикаций, в том числе 3 – в изданиях из списка ВАК, полностью отражают ее содержание и вызывают доверие к полученным результатам.

Таким образом, диссертация Е.И. Маштаковой на тему «Социолекты субкультур сноубордистов и дрифтеров: лексический уровень» представляет собой законченное, самостоятельное квалификационное исследование, которое соответствует заявленной теме, содержит решение всех задач, поставленных автором, и не нарушает требований п.п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного правительством РФ (постановление № 842 от 24 сентября 2013 года), а ее автор Екатерина Игоревна МАШТАКОВА заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Доктор филологических наук
(специальность 10.02.01 – Русский язык)
профессор, профессор кафедры русского языка
Санкт-Петербургского государственного
университета

ПОДПИСЬ РУКИ

01.08.2022

ДОСТОВЕРЯЮ

Контактные данные автора отзыва:

ФИО: Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

Должность: профессор кафедры русского языка

Ученое звание: профессор

Контактный телефон: +7-921-300-9497

E-mail: n.bogdanova@spbu.ru

Полное наименование организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Ректор: профессор Кропачев Николай Михайлович

Адрес организации в сети Интернет: <https://spbu.ru>

Почтовый адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Юридический адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

Заместитель начальника
Управления кадров ГУ ОРП

Хомутская Л. П.

01.08.2022